АЛЕКСАНДР ДЮМА
ИОАННА
НЕАПОЛИТАНСКАЯ
Литрес

Александр Дюма

Иоанна Неаполитанская

Серия «История знаменитых преступлений»

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=178301
История знаменитых преступлений: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 978-5-699-25149-0

Аннотация

«Знаменитые преступления» Александра Дюма-отца, быть может, известны менее его романов, однако не менее значимы в его творчестве. Это собрание интригующих историй о знаменитых преступниках и преступлениях в европейской истории – от эпохи Возрождения до XIX столетия, от Англии до России – представляет читателю живописную и устрашающую картину яростных страстей и ярких событий.

Вся человеческая мудрость заключается в двух словах: ждать и надеяться.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 21

Александр Дюма
Иоанна Неаполитанская
(1343–1382)

В ночь с 15 на 16 января 1343 года мирно почивавшие жители Неаполя были внезапно разбужены колоколами всех трехсот церквей этого благословенного столичного города. Первое, что со страхом подумал каждый после столь нежданного пробуждения: либо город с четырех концов охвачен огнем, либо вражеская армия, таинственным образом высадившаяся под покровом ночи на берег, собирается беспощадно перерезать всех горожан. Однако по заунывному прерывистому звону со всех городских колоколен, что перемежался лишь редкими равными паузами, звону, призывавшему верующих помолиться за тех, кто при смерти, все вскоре поняли, что городу никакая беда не угрожает, в опасности только король.

Действительно, уже много дней было заметно, что в королевском замке Кастельнуово царит сильное беспокойство: дважды в день созывались королевские сановники, а вельможи, имевшие право беспрепятственного входа в монаршие покои, выходили оттуда весьма удрученные и печальные. И хотя смерть короля воспринималась как неизбежное несчастье, тем не менее, когда стало ясно, что пришел его послед-

ний час, весь город испытывал искреннее горе, которое легко станет понятно, если мы поясним: после тридцати трех лет восьми месяцев и нескольких дней царствования умирал Роберт Анжуйский[1], самый справедливый, мудрый и прославленный король из всех, кто когда-либо занимал трон Сицилии. Он сходил в могилу, провожаемый сожалениями и восхвалениями всех своих подданных.

Воины с восторгом рассказывали о долгих войнах, которые он вел с Федерико и Педро Арагонским, с Генрихом VII и Людовиком Баварским[2], и сердца их начинали сильней биться при воспоминаниях о славных походах в Ломбардию и Тоскану; священнослужители с благодарностью превозносили его за то, что он неизменно защищал пап от гибеллинов[3] и основывал по всему королевству монастыри, больницы, церкви; ученые считали его самым образованным коро-

---

[1] *Роберт* (1265–1343) – с 1309 г. неаполитанский король из Анжуйской династии, прозванный Мудрым.

[2] *Педро III Великий* (1239–1285) – король Арагона с 1276 г., поддержал восстание сицилийцев в 1282 г. против Анжуйской династии, после чего на сицилийский трон была призвана Арагонская династия; *Федерико I Арагонский*– с 1291 г. правитель, с 1296 по 1337 г. король Сицилии, после многолетней войны в 1302 г. добился признания окончательного отпадения Сицилии от Анжуйского дома; *Генрих VII* (ок. 1275–1313) – с 1308 г. германский король и император Священной Римской империи, в 1310 г. вторгся в Италию, желая подчинить ее империи; *Людовик IV Баварский* (1287–1347) – германский король в 1314 г., император Священной Римской империи с 1328 г., в 1327 г. объявил себя королем Италии.

[3] *Гибеллины* – в средневековой Италии политическая партия сторонников императорской власти, противники партии гвельфов, защищавших власть пап.

лем христианского мира: сам Петрарка пожелал принять поэтический венец только из его рук и три дня подряд отвечал на вопросы из всех отраслей человеческого знания, которые соблаговолил задавать ему король Роберт. Юристы восхищались мудростью законов, которыми он обогатил неаполитанский кодекс, и дали ему имя Соломона Средневековья; дворянство было довольно тем, что он уважает его привилегии; народ славил его великодушие, милосердие и набожность. Одним словом, служители церкви и воины, ученые и поэты, дворяне и простонародье со страхом думали о том, что власть перейдет в руки чужестранца и юной девушки, и вспоминали, как король Роберт, провожая гроб своего единственного сына Карла, у входа в церковь повернулся к баронам королевства и, рыдая, воскликнул: «В день сей корона упала с моей головы! Горе мне! Горе вам!»

И теперь, когда колокольный звон возвещал, что добрый король при смерти, у каждого в памяти всплыли эти пророческие слова; женщины исступленно молились, а мужчины со всех концов города устремились к королевской резиденции в надежде незамедлительно узнать самые верные новости, однако после недолгого ожидания, которым они воспользовались, чтобы обменяться соображениями насчет близящегося грустного события, им пришлось вернуться несолоно хлебавши, поскольку ничего из происходящего в лоне монаршей семьи не проникало наружу: замок был погружен в полную темноту, мост, как обычно, поднят, стража

бодрствовала на постах.

Тем не менее, если читателям любопытно присутствовать при агонии внучатого племянника Людовика Святого и внука Карла Анжуйского[4], мы можем провести их в комнату, где находился умирающий. Свисающая с потолка лампа из алебастра освещала этот большой, мрачный покой, стены которого были обтянуты черным бархатом, затканным золотыми лилиями. Вели в этот покой две двери, но сейчас они были закрыты; у противоположной стены на витых колонках с резными символическими фигурами возвышалось эбеновое ложе под парчовым балдахином. Король только что перенес жесточайший приступ и, обессиленный, поник на руки своего исповедника и врача, каждый из которых, завладев одной рукой умирающего, считал пульс, после чего они обменялись многозначительными взглядами. В ногах кровати, молитвенно сложив руки и возведя глаза к небу, стояла со скорбным и смиренным видом женщина лет пятидесяти. То была королева. В глазах у нее не было слез, а желто-восковой оттенок впалых щек наводил на мысль о мощах святых, чудом избегнувших тления. Внешность ее являла собой тот контраст умиротворенности и страдания, что свидетельствует о душе, перенесшей несчастье и нашедшей утешение в религии. Через час, в течение которого ничто не наруша-

[4] *Людовик IX Святой* (1214–1270) – французский король с 1226 г., возглавил VII (1248 г.) и VIII (1270 г.) Крестовые походы; *Карл I Анжуйский* (1226–1285) – брат Людовика Святого, в 1268 г. получил от папы Урбана VI Неаполитанское и Сицилийское королевства, основатель Анжуйской династии.

ло полную тишину, царящую у смертного одра, король чуть шевельнулся, открыл глаза и попытался приподнять голову. Затем, поблагодарив улыбкой врача и священника, которые тотчас же принялись поправлять ему подушки, он попросил королеву подойти ближе и сказал, что хочет несколько минут поговорить с нею без свидетелей. Врач и духовник тут же удалились с глубоким поклоном, и король следил взглядом, как они уходят, пока за ними не затворилась одна из дверей. Он провел рукой по лбу, как бы прогоняя какую-то неотвязную мысль, и, собрав все силы, заговорил:

– То, что я вам скажу, государыня, ни в коей мере не касается этих двух достойных людей, которые только что были здесь, ибо их труд завершен. Один из них сделал для моего тела все, что могла ему подсказать наука, добившись лишь продления агонии, а второй дал моей душе отпущение всех грехов, посулив божественное прощение, однако не сумел отогнать ужасные видения, что встают предо мной в этот страшный час. Дважды подряд вы видели, как я вырывался из сверхчеловеческих объятий. Чело мое покрывалось потом, члены утрачивали гибкость, я кричал, но мои крики заглушала некая железная рука. Может, то был злой дух, которому Господь дозволил мучить меня? А может, угрызения совести, принявшие облик призрака? Но как бы то ни было, эти два сражения настолько ослабили мои силы, что третьего приступа я уже не перенесу. Так что выслушайте меня, моя Санча, я хочу дать вам несколько советов, от которых, быть

может, зависит покой моей души.

– Мой государь и повелитель, – кротким голосом отвечала королева, – я готова выслушать ваши повеления, а если Господь Бог в непостижимой мудрости своей решил призвать вас к себе, а нас погрузить в скорбь, знайте, ваша последняя воля самым точным образом будет выполнена на земле. Но позвольте мне, – заботливо и боязливо произнесла она, – окропить эту комнату святой водой, дабы изгнать из нее злого духа, и прочитать отрывок из тропаря, который вы написали в честь вашего святого брата, и молить его о заступничестве, ибо оно нам сейчас так необходимо.

Раскрыв молитвенник в богатом окладе, она с пылкой набожностью прочла несколько стихов тропаря, который Роберт написал на чрезвычайно изящной латыни для своего брата Людовика, Тулузского епископа, тропаря, который пели в церкви вплоть до Тридентского собора[5].

Убаюканный гармонией молитвы, сочиненной им самим, король почти позабыл о предмете разговора, о котором он просил с такой настойчивостью и торжественностью, и, исполненный смутной грусти, глухо пробормотал:

– Да, да, вы правы: молитесь за меня. Ведь вы – святая, а я – всего лишь несчастный грешник.

– Не говорите так, государь, – прервала его донья Сан-

---

[5] *Тридентский собор* – Вселенский собор католической церкви, происходивший в 1545–1563 гг. в Тренто (*лат.* Тридент), на котором, в частности, были проведены некоторые реформы в католической литургии.

ча. – Вы – самый великий, мудрый и справедливый король из всех, кто когда-либо всходил на неаполитанский престол.

– Но престол узурпирован, – возразил Роберт, – вы же знаете, королевство должно было принадлежать Карлу Мартеллу[6], моему старшему брату, а поскольку Карл занимал трон Венгрии, который он унаследовал через свою мать, Неаполитанское королевство по праву должно было перейти к его старшему сыну Кароберту[7], а не ко мне: я ведь был третьим в роду. Да, я страдал, оттого что меня короновали вместо племянника, который был единственным законным королем, я заменил старшую ветвь на младшую и тридцать три года подавлял угрызения совести. Действительно, я выигрывал битвы, издавал законы, строил церкви, но одно слово зачеркивает все пышные титулы, которыми народная любовь окружила мое имя, и это слово звучит в моей душе стократ громче, чем все льстивые слова придворных, песни поэтов и народные рукоплескания. Это слово – узурпатор!

– Не будьте столь несправедливы к себе, государь, и вспомните, что если вы не отреклись в пользу законного наследника, то лишь потому, что желали избавить народ от величайших несчастий. К тому же, – продолжала королева с глубокой убежденностью, которую дает неопровержимый

---

[6] *Карл Мартелл* – старший брат Роберта Анжуйского, в 1290 г. был избран королем Венгрии, но так и не смог до самой смерти в 1295 г. получить престол, захваченный Андреем III, последним представителем династии Арпадов.

[7] *Кароберт (Карл Роберт)* (1288–1342) – сын Карла Мартелла, с 1308 г. венгерский король, основатель Анжуйской династии в Венгрии.

аргумент, – вы сохранили за собой королевство с одобрения и соизволения его святейшества папы, который распоряжается им как леном, принадлежащим церкви.

– Я долго прятался за этой отговоркой, – отвечал умирающий, – и власть папы вынуждала мою совесть молчать, но, как ни притворяйся спокойным, наступает страшный и торжественный час, когда все иллюзии развеиваются. Этот час настал для меня: я скоро предстану перед Господом, единственным непогрешимым судией.

– Да, правосудие его непогрешимо, но разве милосердие его не безгранично? – воскликнула королева в порыве святого вдохновения. – Но даже если бы страх, что терзает вас ныне, имел основания, неужели столь благородное раскаяние не искупило бы любой грех? И к тому же разве вы не искупили вину перед вашим племянником Каробертом, призвав в Неаполь Андрея, его младшего сына, и выдав за него Иоанну, старшую дочь вашего Карла? Разве не они станут наследниками вашего престола?

– Увы, – сокрушенно вздохнул Роберт, – возможно, Бог карает меня за то, что я слишком поздно додумался до этого справедливого возмещения. О моя добрая и благородная Санча, сейчас вы затронули струну, что скорбно дрожит у меня в душе, и опередили печальное признание, которое я намеревался вам сделать. У меня мрачное предчувствие, а предчувствия, которые внушает нам смерть, всегда пророческие. Я предчувствую, что оба сына моего племянника –

Людовик[8], ставший королем Венгрии после смерти своего отца, и Андрей, которого я хотел сделать королем Неаполя, – станут причиной страшных бедствий для моего дома. С того дня, как Андрей вступил в наш замок, некий странный рок ожесточенно рушит все мои планы. Я решил, чтобы Иоанна и Андрей воспитывались вместе, в надежде, что между детьми установится душевная близость, что красота нашего неба, любезность наших нравов, пленительная картина нашего двора в конце концов смягчат все грубое, резкое в характере юного венгра, но, несмотря на мои усилия, все способствовало возникновению между супругами отвращения и холодности. Иоанна гораздо старше своего возраста, своих неполных пятнадцати лет. Одаренная блестящим и энергичным умом, благородным и возвышенным характером, живым и пылким воображением, то дерзкая и игривая, как дитя, то внушающая трепет и надменная, как королева, доверчивая и простодушная, как юная девушка, страстная и мягкосердечная, как женщина, она являет собой разительную противоположность Андрею, который, пробыв десять лет при нашем дворе, стал еще более нелюдимым, угрюмым, строптивым. Его правильные и холодные черты, бесстрастное лицо, отвращение ко всем развлечениям, которые более всего по сердцу его жене, воздвигли между ним и Иоанной стену равнодушия и неприязни. На самые нежные излияния

[8] *Людовик (Лайош) I Великий* (1326–1382) – сын Кароберта, с 1342 г. король Венгрии.

чувств он отвечает либо холодным, небрежно брошенным словом, либо презрительной улыбкой, либо хмурой миной, и счастливым выглядит только тогда, когда под предлогом выезда на охоту может покинуть двор. Вот каковы, государыня, юные супруги, на головы которых будет возложена моя корона и которые очень скоро окажутся игралищами страстей, что глухо бурлят под обманчиво спокойной внешностью и только ждут, когда я испущу последний вздох, чтобы вырваться наружу.

– Боже мой! Боже мой! – горестно повторяла королева, опустив руки вдоль тела, подобно надгробным изваяниям, олицетворяющим скорбь.

– Выслушайте меня, донья Санча. Я знаю, ваше сердце всегда отвергало мирскую тщету, и вы ждете, когда Господь призовет меня к себе, чтобы удалиться в монастырь Санта-Мария-делла-Кроче, который вы основали в надежде закончить там свои дни. Нет, не подумайте, что в этот час, когда я готовлюсь сойти в могилу, убежденный в ничтожности всякого земного величия, я стану отвращать вас от вашего святого призвания. Обещайте мне только, что, прежде чем дать обет Господу, вы год будете носить вдовий наряд и в течение этого года будете оберегать Иоанну и ее супруга, отводя от них опасности, которые им грозят. Вдова великого сенешаля и ее сын приобрели уже слишком большое влияние на нашу внучку; будьте же, государыня, настороже и среди всех партий, интриг и соблазнов, которые окружат юную

королеву, будьте особо недоверчивы к ласковости Бертрана д'Артуа, красоте Людовика Тарантского и честолюбию Карла, герцога Дураццо.

Обессиленный столь долгой речью, король умолк, потом, обратив к королеве молящий взгляд, протянул к ней исхудалую руку и чуть слышно произнес:

– Заклинаю вас, не покидайте двор, прежде чем не пройдет год. Вы обещаете мне это, государыня?

– Обещаю, ваше величество.

– А теперь, – промолвил король, чье лицо просияло после обещания королевы, – позовите духовника и врача и соберите всю семью. Час близится, и скоро у меня уже не будет сил высказать последнюю волю.

Через несколько секунд в комнату вошли священник и доктор, лица их были залиты слезами. Король сердечно поблагодарил их за великие заботы, которые они проявляли во время его предсмертной болезни, и попросил помочь ему облачиться в грубое одеяние монахов-францисканцев, чтобы, как сказал он, Господь, увидев, что он умер в нищете, смирении и раскаянии, скорей и с большей охотой удостоил его прощения. Исповедник и врач обули босые ноги короля в сандалии, какие носят нищенствующие братья, надели рясу св. Франциска[9] и перепоясали веревкой. Лежащий на ложе неаполитанский король со скрещенными на груди руками,

[9] *Св. Франциск Ассизский* (1182–1226) – итальянский проповедник, основатель первого ордена нищенствующих монахов, названного францисканским.

длинной седой бородой и редкими волосами вокруг темени был поразительно похож на старого отшельника, вся жизнь которого прошла в умерщвлении плоти, а душа, захваченная небесными видениями, постепенно переходит в последнем экстазе к вечному блаженству. Некоторое время он лежал с закрытыми глазами, обращаясь к Богу с немой мольбой, затем приказал осветить комнату, как в дни больших торжеств, и дал знак врачу и исповеднику, один из которых стоял в изножье, а второй у изголовья кровати. В тот же миг широко распахнулись двери, и в покой вступила вся королевская семья, возглавляемая королевой и сопровождаемая самыми могущественными баронами королевства; все они встали вокруг ложа короля, дабы выслушать его последнюю волю.

Королевский взор обратился к Иоанне, стоящей первой по правую руку, и взор этот был полон неизъяснимой нежности и скорби. Она была наделена столь редкостной и столь чудесной красотой, что король, ослепленный ею, принял внучку за ангела, которого ему ниспослал Бог, желая утешить его в смертный час. Великолепная линия прекрасного профиля, огромные черные влажные глаза, чистый высокий лоб, волосы цвета воронова крыла, нежный рот; одним словом, ее восхитительное лицо оставляло в сердце всякого, кто ее видел, ласковое и грустное ощущение, глубоко и надолго врезавшееся в память. Она была высока и стройна, без чрезмерной тонкости, присущей юным девушкам, и сохранила гибкость и беспечность в движениях, благодаря чему

стан ее при ходьбе чуть покачивался, подобно стеблю цветка, колеблемого легким ветерком. Но под беспечной и наивной прелестью в наследнице короля Роберта уже можно было угадать сильную волю, готовую бросить решительный вызов всем препятствиям, а темные круги, какими были обведены ее глаза, свидетельствовали, что душа ее уже опустошена рано проявившимися страстями.

Рядом с Иоанной стояла ее младшая сестра Мария, которой шел тринадцатый год, тоже дочь Карла, герцога Калабрийского, который умер, не увидев ее, и Марии де Валуа, покинувшей ее, когда та была еще в колыбели. Поразительно красивая и робкая, она, похоже, смущалась, оказавшись в собрании столь важных особ, и ласково прижималась к вдове великого сенешаля Филиппе по прозвищу Катанийка, воспитательнице принцесс, которую они чтили, как мать. Позади принцесс, рядом с Филиппой стоял ее сын Роберт Кабанский, красивый, стройный, высокомерный молодой человек; левой рукой он поглаживал усики и украдкой бросал время от времени на Иоанну дерзостные взгляды. Замыкали группу молоденькая статс-дама принцесс донна Конча и граф Терлицци, который обменивался с нею то быстрым взглядом, то непонятной улыбкой.

Вторую группу составляли Андрей, супруг Иоанны, и монах брат Роберт, воспитатель молодого принца, сопровождавший его из Буды и не покидавший ни на минуту. В ту пору Андрею было лет восемнадцать; по первому впечат-

лению его лицо, обрамленное прекрасными светлыми волосами, поражало благородством, красотой и исключительной правильностью черт, однако в сравнении с пылкостью и живостью окружающих итальянских лиц ему недоставало выразительности, взгляд его казался потухшим, а некая суровость и холодность свидетельствовали об угрюмом характере и чужеземном происхождении. Что же касается воспитателя, Петрарка озаботился оставить нам его портрет: багровое лицо, рыжие волосы и борода, короткое, кривобокое туловище, надменный в ничтожности, обильный мерзостью, он, подобно Диогену, кое-как скрывал под рясой свое уродливое, бесформенное тело.

В третьей группе стояла вдова Филиппа, принца Тарантского, брата короля, удостоенная при Неаполитанском дворе титула императрицы Константинопольской, каковой титул она унаследовала как внучка Бодуэна II[10]. Человек, привычный читать в темных глубинах людских душ, с первого же взгляда понял бы, сколько неумолимой ненависти, ядовитой зависти, ненасытного тщеславия скрывает мертвенная бледность этой дамы. Она была окружена тремя своими сыновьями, Робертом, Филиппом и Людовиком, самым младшим из троих. Если бы король захотел выбрать из своих племянников самого красивого, благородного, отважного, ни у

[10] *Бодуэн II* (1217–1273) – с 1228 по 1261 г. император Латинской империи, основанной участниками IV Крестового похода в Византии после взятия ими в 1204 г. Константинополя и рухнувшей в 1261 г.

кого не возникло бы сомнения, что венец получил бы Людовик Тарантский. В двадцать три года он превзошел в воинских упражнениях самых прославленных рыцарей; прямодушный, верный, мужественный, Людовик никогда не взялся бы за исполнение какого-нибудь плана, не будучи уверен в его осуществимости. Его чело излучало прозрачный свет, который у избранных натур является как бы победным ореолом; взгляд его мягких и бархатистых черных глаз проникал в самую душу, лишая способности к сопротивлению, а ласковая улыбка утешала побежденного в его поражении. С детства отмеченному особой печатью, ему достаточно было только пожелать: неведомая сила, добрая фея, стоявшая при его рождении у колыбели, тотчас же устраняла все препятствия и исполняла все его желания.

Почти рядом с ним в четвертой группе хмурил брови его двоюродный брат Карл, герцог Дураццо. Его мать Агнесса, вдова Иоанна, герцога Дураццо и Албании, второго брата короля, со страхом смотрела на него и инстинктивно прижимала к груди своих младших детей – Людовика, графа Гравины, и Роберта, князя Морей. Карл с бледным лицом, короткими волосами и густой бородой подозрительно поглядывал то на своего умирающего дядю, то на Иоанну и Марию, то на своих кузенов; он, казалось, был настолько возбужден сумбурными мыслями, что не мог стоять на месте. Его тревожность и волнение составляли особо разительный контраст со спокойным и безмятежным лицом Бертрана д'Артуа, который,

пропустив вперед своего отца Карла, приблизился к королеве, стоящей в изножье кровати, и благодаря этому оказался напротив Иоанны. Молодой человек был так захвачен красотой принцессы, что, похоже, никого больше и не видел.

Как только Иоанна и Андрей, герцоги Тарантский и Дураццо, графы д'Артуа и королева Санча встали полукругом в описанном нами порядке возле смертного одра, из рядов баронов, теснящихся в соответствии со своим рангом позади принцев крови, вышел вице-канцлер королевства, поклонился королю, развернул пергамент, скрепленный королевской печатью, и в полнейшей тишине торжественным голосом начал читать:

– «Роберт, Божьей милостью король Сицилии и Иерусалима, граф Прованса, Форкалькье и Пьемонта, викарий Святой Римской церкви, называет и объявляет своей полной наследницей в Королевстве Сицилия по ту и эту сторону Мессинского пролива, а равно и в графствах Прованс, Форкалькье и Пьемонт и во всех других своих землях Иоанну, герцогиню Калабрийскую, старшую дочь блаженной памяти светлейшего сеньора Карла, герцога Калабрийского.

Равно он называет и объявляет сиятельную девицу Марию, младшую дочь покойного сеньора герцога Калабрийского, своей наследницей в графстве Альба и в сеньориальном владении в долине Грати и на земле Джордано со всеми замками и угодьями, находящимися в них, и повелевает, чтобы

названная девица получила их как ленное владение от вышеупомянутой герцогини и ее наследников, при том, однако, условии, что ежели госпожа герцогиня дает и выплачивает своей сиятельной сестре либо ее правонаследникам в качестве возмещения сумму в десять тысяч унций золота, вышеназванные графство и сеньориальное владение остаются госпоже герцогине и ее наследникам.

Равно он желает и повелевает в соответствии с тайными причинами, кои вынуждают его так действовать, чтобы названная девица Мария заключила брак со светлейшим государем Людовиком, нынешним королем Венгрии. Ежели возникнет какое-либо препятствие сему браку, поскольку, говорят, заключен и подписан договор о браке короля Венгрии с дочерью короля Богемии, наш государь король повелевает, чтобы сиятельная девица Мария заключила брак со старшим сыном его высочества дона Иоанна, герцога Нормандского, старшего сына нынешнего короля Франции».

Тут герцог Дураццо бросил на Марию весьма красноречивый взгляд, ускользнувший от внимания присутствующих, так как все они сосредоточенно слушали завещание короля Роберта. Ну а что касается юной принцессы, то она, как только услышала свое имя, залилась краской и, скованная и смущенная, не осмеливалась даже поднять глаз. Вице-канцлер продолжал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.